

НОСТРАТИЧЕСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМАНТОВ

Рассмотрим два ностратических корня в связи с проблемой происхождения некоторых глагольных аффиксов в языках-потомках.

1. **na'a*¹ 'идти делать что-либо, направляться делать что-либо' > и.-е. **neh-* (> **nā-*) 'помогать, приносить пользу' (< 'приходить на помощь'), с.-х. **na'*- 'идти, собираться делать что-либо, желать', картв. **n-* 'хотеть, желать', монг. **nāi-* или **nai-* 'намереваться, желать, надеяться'.

И.-е. **neh-* (> **nā-*) представлено в др.-инд. *nātham* 'помощь', *nāthah* 'защитник', греч. ὀ-νί-νῆ-μι (fut. ὀ-νῆ-σ-ω, дор. aor. passivi ὠνάθη) 'приносить пользу', ὀ-νῆ-σι-ς (дор. ὄνασις) 'польза'.

С.-х. **na'*- находим в егип. *n'j* 'ехать, идти, двигаться куда-либо', эфиоп. *nā'ā* 'приходи' (imperativus tantum), угарит. *n'* 'просить, требовать' (< 'желать' < 'направляться делать'), араб. *nā'a* (imperfectum -*nū'u*) 'требовать; расправить крылья, чтобы броситься на добычу (о хищных птицах)', *nū'*- 'жажда', возможно, также (с утратой'), араб. *nawā* 'собираться, стремиться делать что-либо'.

Картв. **n-* представлено в груз., чац. и сваш. *n-* 'хотеть'².

Монг. **nāi-* или **nai-* представлено в ср.-монг. (XIV в.) *payir*, *payiri* 'намерение, стремление, желание'³, («Сокровенное сказание») *naida-* 'уповать, ревновать, завидовать, ненавидеть из зависти'⁴, монг. нисъм. *nai* 'надежда', *naida-* 'надеяться, уповать, помогать, добиваться'.

¹ Символом ' обозначаем ностратическую фонему, отражающуюся в с.-х. ' (при грамматикализации морфемы и в некоторых иных случаях редуцируемом в ' и далее в нуль), в и.-е. ларингалах, а в прочих языках дающую нуль. Эта фонема отличается от *γ нулевой рефлексацией в картвельском. Ср. ниже корень *šew л.

² Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, стр. 145.

³ M. Lewicki. La langue mongole des transcriptions chinoises du XIV siècle. Wrocław, 1959, стр. 63; E. H a e n i s c h. Sino-mongolische Dokumente vom Ende des 14. Jahrhunderts. Berlin, 1952, стр. 55.

⁴ С. А. Козин. Сокровенное сказание. М.—Л., 1944, стр. 127, 137, 138, 167, 247, 256, 258, 286, 588; E. H a e n i s c h. Wörterbuch zu Manḡol un Niuca Tobca'an. Wiesbaden, 1962, стр. 113.

В свете новейших исследований, предполагающих ностратическую принадлежность хурритоурартских языков⁵, обращает на себя внимание урарт. *naḥ-* 'приходить, вступать'⁶.

Тот же древний корень можно усмотреть и в глагольных аффиксах ряда языков. В тунгусоманьчжурских существуют глагольные формы с суффиксом **nā-*/*nā-* в значении 'идти делать что-то': эвенк. *dukū-* 'писать'—*dukū-nā-* 'пойти писать', удейск. *kāptä-mi* 'лежу'—*kāptä-nä-mi* 'иду лечь', *wākča-mi* 'охочусь'—*wākčana-mi* 'иду на охоту', маньчж. *tači-* 'учиться'—*tači-ne-* 'идти учиться', *že-* 'есть'—*že-ne-* 'идти есть'⁷.

Эту форму естественно возводить к древней глагольной конструкции «глагол X+глагол **na'a*» в значении 'идти делать X'. Конечное положение грамматически господствующего глагола (**na'a*) и функционирование предшествующего слова (в данном случае глагола) в качестве подчиненного вполне согласуются с теми представлениями о ностратическом синтаксисе, которые складываются на основании анализа синтаксических и морфологических фактов сравниваемых языков. Действительно, в большинстве групп ностратических языков (уральские, тюркские, монгольские, тунгусоманьчжурские, корейский, японский, дравидийские, хурритоурартские, индоевропейские в их древнейшем состоянии, в древности кушитские) глагол занимает конечное положение в предложении, если выполняет функцию сказуемого; дополнения (как именные, так и глагольные — типа конвербов, инфинитивов и пр.) предшествуют глаголу. То же положение глагола и подчиненных ему слов обнаруживается в результате анализа тех грамматических форм глагола, которые восходят к аналитическим конструкциям. Конструкция с **na'a* — один из примеров этому.

Первоначальное значение 'идти делать нечто', сохранившееся в тунгусоманьчжурской форме, в большинстве языков преобразовано. Наблюдаются следующие направления семантического преобразования: 1) 'идет делать' → 'намеревается делать' → 'хочет делать', откуда в некоторых языках модальные значения: оптатив, юссив и т. п.; 2) при терминативных глаголах: 'идет сделать' → 'старается сделать' → 'находится в процессе делания', например 'идет убить' → 'старается убить' → 'убивает' (имперфектив).

⁵ Г. Б. Джаукян. Взаимоотношение индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков. Ереван, 1968.

⁶ Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи. М., 1960, стр. 402; В. А. Гварахия. Словарь-симфония урартского языка, М., 1963, стр. 417; И. М. Дьяконов. Урартские письма и документы. М.—Л., 1963, стр. 90.

⁷ Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, стр. 777; Е. Р. Шнейдер. Краткий удейско-русский словарь. М.—Л., 1936, стр. 77, 141; С. de Harlez. Manuel de la langue mandchoue. Paris, 1884, стр. 251.

Значение 'хочет делать' представлено в уральских. Ср., на пример, марийский дезидератив на *-ne-*: *kol-ne-t* 'хочу умереть', *kol-ne-t* 'хочешь умереть' и т. д. Это же значение застаем в древнейших памятниках семитских языков (наклонение на *-n*): угарит. *'ikrl'an* (или *'ikrl'annl*) 'я хочу воспеть'⁸.

Дальнейший шаг — развитие модальных значений — прослеживается, например, в тех же уральских языках: финский потенциалис на *-ne-*, кондиционалис на *-nē-*, *-nā-* в венгерском, на *-niw-* в мансийском, селькупский ковьонктив на *-ni-*, *-ne-* (в диалектах, описанных М. А. Кастреном) и т. д.⁹ В тунгусоманьчжурских языках упомянутый аффикс **-nā-/-nā-*, помимо значения 'идет делать', имеет и модальное значение вероятности: эвенк. *dukū-nā-n* 'вероятно, пишет', 'вероятно, написал'¹⁰.

В семитских языках исследуемая морфема представлена на разных ступенях своей грамматикализации. В геэзе мы находим еще не грамматикализованный императив *nā'ā* 'приходи' (f. *nā'ī*, pl. m. *nā'ū*, pl. f. *nā'ā*, *nā'ā*: *nā'ā 'əgzī'ō* 'приди, господи' (Апокалипсис 22.20), *tägāb'ū wa-nā'ū* 'соберитесь и придите' (Исаия 45.20). Но чаще императив *nā'ā* сочетается с другим императивом, передавая чисто модальное значение призыва (когортатив): *nā'ā 'a'rəf* 'успокойся' (букв. 'приди успокойся') (Даниил 12.13), *nā'ū təlwū-nī* 'следуйте за мной' (букв. 'придите следуйте за мной' (Матфей 4.19). В еврейском то же слово *nā'* находим уже в грамматикализованной когортативной функции (и при этом с характерной для грамматикализованных морфем редукцией 'в'): *'imrī-nā' 'āhōti 'at* 'скажи, [что] сестра моя ты' (Бытие 12.13). То же значение в самаритянском араме. *nj*, сир. *nē*, которые, подобно евр. *nā'*, выступают в постпозиции к глаголу. Вероятно, препозиция *nā'ā* в геэзе есть эфиопская инновация, возможная благодаря сохранению лексического функционирования у этого слова. Постпозиция же **na'(a)*, представленная в зап.-семитских языках, отражает, видимо, древнюю аналитическую конструкцию «глагол + **na'a*».

Результат полной грамматикализации той же конструкции, видимо, присутствует в таких семитских формах на *-n(a)*, как уже упомянутая угаритская (способная передавать, помимо дезидеративного значения, также модальное значение 'должен': *tlftba-n(nl)* 'ты должен вернуться'), как староассирийский ковьонктив на *-ni*, арабский *modus energicus* на *-n*, *-nna* и т. п. Сходный модальный суффикс находим и в кушитских языках: билинский и кемантский оптатив—юссив на *-in*, кондиционалис в агавских языках: билин (на *-än*), кемант, квара и хамир (на *-n*),

⁸ С. Сегерт. Угаритский язык. М., 1965, стр. 60.

⁹ См.: В. Collinder. An introduction to the Uralic languages. Berkeley—Los Angeles, 1965, стр. 134.

¹⁰ О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М.—Л., 1964, стр. 189—192.

восточнокушитская запретительная форма, выражаемая отрицанием (в препозиции) и модальным суффиксом *-in*: афар *mā-bal-in* 'не видь', сахо *mā-b-in* 'не слышь', сомали *ha 'un-in* 'не ешь', галла *farso hin dug-in'* 'не пей пива'.

В картвельских языках обращает на себя внимание др.-груз. императив 3 sg. на *-n* (*iqav-n saxeli šeni, moved-in supevay šeni* 'да святится имя твое, да придет царствие твое') и сванское «заглазное» наклонение на *-un-i, -ən-i, -in-i*.

Другой путь семантического развития ('идет сделать' → 'находиться в процессе делания') представлен имперфективным инфиксом и префиксом *-n-* в кушитском языке бедауе. У двусогласных глаголов имперфектив образуется посредством префикса *-n-*, располагающегося непосредственно перед корнем (после личного префикса): у глагола *-dir-* 'убить' парадигмы перфектива и имперфектива выглядят следующим образом:

	Перфектив	Имперфектив
Sg. 1	<i>a-dir</i>	<i>a-n-dīr</i>
2 m.	<i>ti-dir-a</i>	<i>ti-n-dīr-a</i>
2 f.	<i>ti-dir-i</i>	<i>ti-n-dīr-i</i>
3 m.	<i>i-dir</i>	<i>i-n-dīr</i>

и т. д.

У трехсоголасных глаголов в имперфективе *-n-* инфигируется внутрь корня: в глаголе *-ktam-* 'прийти' при перфективе 1 sg. *a-ktim* имперфектив имеет форму 1 sg. *a-ka-n-tim*. По-видимому, перед нами результат аналогического воздействия модели расположения *n* перед предпоследним согласным корня: *akantim* по аналогии *andīr*.

Интересен параллелизм этого процесса с инфиксацией **-n-* как показателя имперфектива («презенса») в индоевропейском языке. Как известно, есть основания предполагать вторичный характер инфиксального положения этой морфемы, первоначально выступавшей в позиции суффикса¹¹. В связи с этим целесообразно исследовать вопрос о возможности объяснить индоевропейский назальный презенс исходя из ностратической конструкции «глагол + **na'a*».

2. **šew*'_д 'хотеть, соглашаться, позволять' (→ 'просить') > и.-е. **seuH-* / **suH-* 'пускать, поощрять', с.-х. **šw'* 'просить', картв. **šw-* 'пускать, оставлять', тюрк. **seb-* или **šeb-* 'любить',

¹¹ См., например: J. Kuryłowicz. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964, стр. 106, где инфиксация *-n-* объясняется из следующей пропорции:

$$\begin{aligned} \dot{i}eu- &: \dot{i}eu-n- \\ \dot{i}eu-g- &: \dot{i}eu-né-g, \end{aligned}$$

хотя, впрочем, **ieu-n-* Е. Курилович считает именем.

тунгус. *šöbl- 'просить', драв. *cīv- 'соглашаться, давать (социально низшим)', (?) урал. *šewl- 'позволять, соглашаться'.

И.-е. *seuH- / *suH- представлено в др.-инд. *suváti, sávati* 'подгоняет, поощряет', др.-греч. ἔαω 'допускаю, оставляю', д.-в.-н. *vir-sūmen* > совр. нем. *versäumen* 'упускать' (производное от имени *suH-mo-).

С.-х. *šw- 'просить' представлено семитским *šw- (> др.-евр. šw- 'просить о помощи') и кушит. *šaw- (> билин šiw- 'просить, требовать', кемант šiw- то же, квара säw-, дембеа šaw-, хамир saw- то же). Сем *dá'da* 'табачка, всезнающая'

Картв. *šw- 'пускать, оставлять'¹² сохранено в груз. šv-, чан. и мегр. šk(w)- и сван. šgwan- 'отпускать, отпращивать'.

Тюрк. *seb- или *šeb- 'любить' (< 'хотеть') представлено в др.-тюрк. *sāb-*, др.-уйгур. *sāv-* 'любить', тур. и азерб. *sev-*, казах. *süi-* и пр. Различие между тюрк. *s и *š проявляется лишь в чувашском (*s- > чуваш. s-, *š- > чуваш. š-), но чуваш. *sav-* 'любить' может быть заимствованием из других тюркских и потому не показательно. Исходя из nostr. *š следовало бы ожидать в тюркском начального *š.

Тунг. *šöbl-¹³ представлено в маньчж. *šuburme* 'прошу'.

Урал. *šewl- можно усмотреть в финских наречиях *hevillä, hevin* 'легко, охотно'.

Драв. *cīv- 'соглашаться, давать (социально низшим)' представлено в тамил. *ī(v-)* 'давать (социально низшим)', 'соглашаться', *īvu* 'давление, подарок, распределение', каннада *ī* 'позволять', телугу *iccu, ivv-* 'разрешать, позволять', колами *sī-* 'давать', гонда *sīana* 'давать, разрешать', куи *sīva-, jīva-* 'давать, разрешать' и пр.

С корнем *šew'л могут быть по происхождению связаны грамматические аффиксы в двух значениях: 1) дезидератив, 2) каузатив. Оба значения можно представить себе исходящими из значения аналитической конструкции «X + *šew'л» 'хотеть X, соглашаться на X'.

Дезидеративным значением обладает индоевропейский аффикс *-s- и аффикс *-sjo. Суффикс *-s- представлен в др.-инд. *śuśrū-śatē* 'хочет услышать', архаичн. лат. *vissō* > *vīso* (< *weid-s-ō) 'хочу посмотреть', гот. *ga-weiso* 'посещаю', ('хочу видеть') и т. д.¹⁴ В части языков суффикс *-s- приобрел значение показателя будущего времени: греч. -σ- (*δειξω* 'покажу', *λείψω* 'отпущу'), ст.-лат. *dixō* 'скажу', *faxō* 'сделаю', *capso* 'возьму', оск. *fust* 'будет', лит. *duos* 'даст'. Суффикс *-sjo- в том же значении находим в др.-инд.

¹² Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 214.

¹³ Посредством *š, вслед за В. М. Иллич-Свитычем, обозначаем тунгусскую фонему, дающую в маньчжурском š-, в эвенском h-, в других тунгусских s-.

¹⁴ К. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1904, стр. 529.

причастии *bū-sya-nt-* 'тот, кто будет', ст.-слав. **бѣшаще-к** 'будущее', в лит. *būsiu* 'буду'.

В монгольском находим форму с суффиксом **-su / *-sü* или **-sū / *-sī* в значении волюнтатива (желание говорящего совершить действие): **ora-su* 'let me enter!', **ögsü* 'let me give!' Этот суффикс представлен в ср.-монг. *-su, -sü* (*kele-sü* 'скажу!'), могол. *-sün* (с вторичным *-n*), монг. письм. *-su-gaɪ, -sü-gei* и пр.¹⁵

В тюркских находим аффикс 3-го лица оптатива **-sun / *-sün* > др.-тюрк. *-zun, -zün*, др.-уйгур. *-sun, -sün*, ново-уйгур. *-sun*, азерб. *-sun, -sün, -sīn, -sīn* и т. д.

В тунгусских языках находим морфему **-su* в качестве нерегулярного суффикса императива (3 и 2 sg.) в нескольких архаичных глаголах: 1) маньчж. *bi-su* 'да будет, будь', нан. *bi-su* 'будь', 2) маньчж. *o-so* 'да будет, будь, сделайся', нан. *o-su* 'сделайся, стань', 3) маньчж. *gaɪ-su* 'возьми', нан. *ga-su* 'купи', 4) маньчж. *baɪ-su* 'спроси', 5) нан. *di-su* 'приходи'.

В корейском сюда, возможно, относится оптативно-дезидеративная форма на *-se* < *-sai*: *mek-se* 'я хочу, чтобы вы ели; я хочу есть; он может есть'.

Каузативное значение корня **šew* 'л' представлено, возможно, в с.-х. каузативном аффиксе (префиксе и суффиксе) **-šl-* (> сем. **šl-* > аккад. *šl*, угарит. *š*, минейск. *s*, араб. *sl-* ~ *hl-*, сабейск., др.-евр. *hl-*, араб. 'л', егип. каузативный префикс *š*, кушитский каузативный префикс и суффикс **šl-, *-sl-*: беджа *a-sō-dir* 'заставляю убивать', *te-sō-dtr-a* 'заставляешь убивать', сахо *a-s-gidifé* 'заставляю убивать' и пр.), возможно, также в юкагир. каузативе (тундр. *-su, -se*, колым. *-š*) и в японском каузативном суффиксе *-s*¹⁶.

¹⁵ N. Poppe. Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, 1955, стр. 255.

¹⁶ О фонетическом соответствии японского *s-* монгольскому и корейскому *s-* (способным восходить к ностр. **š-*) см.: Одзава Сигео. Гэнси ниппон-го-ни окэру го-тō даку-он сондаэй-но канбсэй-ни цугите (Относительно возможности существования звонких согласных в анлауте в протояпонском языке). — «Area and Culture Studies. Току Гайкоку-го Дайгаку ронсю» 10. Токио, 1963, стр. 58—59 и S. Martin. Lexical evidence relating Korean to Japanese. — «Language» 42, 2, 1966, стр. 185—251.